

Современная
психотерапия

Джен Винер

Терапевтические отношения

Перенос, контрперенос
и обретение смысла

COGITO
CENTRE
NT

Джен Винер
Терапевтические отношения.
Перенос, контрперенос
и обретение смысла
Серия «Современная
психотерапия (Когито-Центр)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66169194
Терапевтические отношения. Перенос, контрперенос и обретение
смысла: Когито-Центр; Москва; 2019
ISBN 978-5-89353-563-1

Аннотация

Книга Джен Винер – наиболее полное и компетентное изложение современного понимания переноса и контрпереноса в юнгианской литературе. Работа в процессе переноса-контрпереноса и с этим аспектом терапевтических отношений крайне важна для успеха аналитической терапии. Книга будет полезна не только психоаналитикам разных направлений и обучающимся глубинной психотерапии, но и всем практическим психологам.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие автора к русскому изданию	5
Предисловие редактора русского издания	8
Предисловие редактора английского издания	12
Благодарности	16
Введение	18
Глава 1	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джен Винер Терапевтические отношения. Перенос, контрперенос и обретение смысла

Jan Wiener

The Therapeutic Relationship

Transference, Countertransference, and the Making of
Meaning

Научные редакторы: *В. К. Калининко, К. Т. Мелик-Ахна-
зарова*

© Когито-Центр, 2011

© Винер Джен, 2009

Предисловие автора к русскому изданию

Работая над этой книгой, я задавалась целью вдохновить читателя на самостоятельное исследование его собственных представлений о переносе и контрпереносе как месте терапевтического действия в аналитических отношениях. Существующая литература по данному предмету обширна, – как психоаналитическая, так и юнгианская. Однако смысл, который разные авторы вкладывают в термины *перенос* и *контрперенос*, весьма различен, и сегодня наблюдается тенденция использовать эти термины слишком широко.

Эта книга – суть моих многолетних размышлений и практики, квинтэссенция последовательного осознания того, что перенос – поистине самый сложный феномен, который присутствует во всех без исключения отношениях, однако представляет собой особый и ценный инструмент внутри аналитических отношений, если использовать его бережно и с заботой о наших пациентах. Пока я занималась изысканиями, собирая материал для книги, две вещи стали для меня более ясными. Прежде всего тот факт, что сам Юнг довольно неоднозначно относился к переносу и что его *magnum opus*¹ «Психология переноса» (Jung, 1946с) посвящен, скорее, эво-

¹ Великая работа (*лат.*).

люции аналитических отношений как целого, нежели переносу в моем понимании. И второе – то, что по причине отсутствия у Юнга подробных клинических исследований переноса юнгианцы из школы развития, зародившейся в Лондоне, за конкретизацией своих идей о клинических и технических аспектах переноса обращались прежде всего к психоаналитикам. Это было в некоторых отношениях весьма полезно, но все же стоит помнить, что понятия Фрейда и Юнга о бессознательном были весьма различны, что делает сомнительными некоторые из ряда подобных обращений.

В своей книге я прослеживаю историю развития идей о переносе и контрпереносе, а затем даю свои собственные определения. Центральным я считаю различие между работой *в* переносе и работой *с* переносом. Перенос всегда действует бессознательно внутри аналитических отношений, так что мы всегда находимся *в* нем, но аналитик каждый раз делает выбор, работать ли *с* переносом, то есть интерпретировать ли его. Используя клинические примеры, я обращаю внимание на то, что ответ на этот вопрос, скорее всего, зависит от душевного состояния пациента, от паттернов его привязанностей и от специфических для него сопротивлений и защит.

Сегодня взгляды на значение переноса как инструмента понимания и содействия индивидуации в юнгианском сообществе различны. Некоторые верят в то, что работа с переносом в аналитических отношениях – главное, что делает воз-

возможными потенциальными изменениями пациентов. Другие, более точно придерживающиеся методов работы самого Юнга, больше интересуются развитием символической способности и принижают значение переноса; им интереснее творчество, чем отношения. В своей книге я предлагаю концепцию *матрицы переноса*, пытаясь показать, что символическая способность может развиваться только внутри личностных отношений. Я стараюсь выстроить некое приближение к этой теме внутри юнгианского сообщества. Читателю судить, успешной ли оказалась моя попытка.

Джен Винер,

Лондон, апрель 2011

Предисловие редактора русского издания

Автор книги Джен Винер, одна из самых известных современных английских юнгианских аналитиков, хорошо знакома отечественным специалистам. Она совместно с Кэтрин Краузер организовала один из первых обучающих курсов по аналитической психологии в нашей стране в Санкт-Петербургском Восточноевропейском институте психоанализа, подготовивший первых квалифицированных юнгианских аналитиков, а также принимала активное участие в других программах Международной ассоциации аналитической психологии в России.

Лондонское Общество аналитической психологии (SAP), в котором уже много лет активно работает Джен Винер, – старейшее английское юнгианское профессиональное сообщество, основанное Майклом Фордхэмом. Отличают его стремление к психоаналитической синтетичности, преодолевающей исторический раскол юнгианства и фрейдизма, близость к современному психоанализу, в первую очередь, кляйнианскому, опора на теории развития. Вместе с тем юнгианские аналитики, входящие в это общество, используют все богатство классического юнгианского анализа, реализуя его в простроенном аналитическом пространстве. Включен-

ное внимание к переносу-контрпереносу является одним из основных приоритетов в практике и обучении аналитиков данного направления. Ценность настоящей книги, представляющей современный юнгианский взгляд на проблемы переноса-контрпереноса, в том, что это теория «из первых рук».

Книга родилась из курса лекций, прочитанных Джен Винер в 2006 году в Техасском университете и опубликованных в авторитетной серии монографий под редакцией Дэвида Розена. Одна из книг этой серии уже знакома русскому читателю. Это книга «Трансформация» Мюррея Стайна².

Джен Винер не только дает блестящий и авторитетный обзор современных юнгианских и фрейдистских подходов к работе с переносом и в переносе (ценное различие, введенное автором) и в целом – истории развития данной области психоанализа. В соответствии с последними достижениями в других научных областях знаний, она формирует собственную концепцию матрицы переноса, вводя в это понятие символический аспект терапевтических отношений, отсутствующий в одноименных психоаналитических концепциях матрицы переноса (например, у Роберта и Саймона Маршалл³).

Специфическое отношение Юнга к переносу-контрпере-

² Стайн М. Трансформация: Проявление Самости. М.: Когито-Центр, 2007.

³ Marshall R. J., Marshall S. V. The Transference-countertransference matrix: The emotional-cognitive dialogue in psychotherapy, psychoanalysis and supervision. N. Y.: Columbia University Press, 1988.

носу: глубокое постижение важности этого аспекта отношений в анализе для нахождения психикой пути индивидуации, но при этом – отсутствие клинического фокуса в работе с переносом-контрпереносом, доходившее до его игнорирования на практике⁴, привело к тому, что в классическом юнгианском анализе эта тематика долгое время не разрабатывалась и до сих пор иногда вызывает «аллергическую реакцию». Автор предлагаемой книги четко показывает истоки этих трудностей и пути их преодоления.

Литература на русском языке небогата книгами о переносе-контрпереносе, как фрейдистскими, так и юнгианскими. В отношении первых вакуум частично заполнила замечательная антология «Эра контрпереноса», выпущенная под редакцией И. Ю. Романова⁵, а что касается юнгианства, то

⁴ Примером тому может служить его известная практика «множественного анализа»: «Обычно анализ проводили Юнг и Тони Вульф. Сначала анализанд шел к Юнгу, а позже – в тот же день или на следующий – к Тони Вульф. Этот вид анализа, когда анализ проводится более чем одним аналитиком сразу, был назван «множественный анализ» и стал впоследствии общепризнанным в Цюрихе и в тех странах, которые признали цюрихскую модель анализа. Эта модель была раскритикована Майклом Фордхэмом из Лондона, заявившим, что в этом случае непроанализированными и неистолкованными остаются аспекты переноса/контрпереноса и что такая модель <...> оставляет много возможностей для отреагирования как пациенту, так и аналитику. <...> Некоторые пытались подражать Юнгу, но никто, – из всех известных случаев, – похоже, в этом успеха не имел. Аналитики, вовлеченные в мощный контрперенос, взывали к поведению Юнга, чтобы оправдать собственное» (*Кирри Т. Юнгианцы*. СПб: А—Я, Янус, 2007, с. 32–34).

⁵ Эра контрпереноса: Антология психоаналитических исследований. М.: Ака-

мы имеем, по сути, лишь одну книгу Марио Якоби «Встреча с аналитиком», написанную более 20 лет назад⁶.

Публикуя книгу Джен Винер в «Библиотеке Института практической психологии и психоанализа», мы надеемся, что она будет полезна не только студентам, специализирующимся как в юнгианском, так и в фрейдистском анализе, но и всем практическим психологам. Можно с уверенностью утверждать, что в скором будущем компетентность в области работы с переносом-контрпереносом станет условием профессионализма практического психолога.

Всеволод Калинин,

Российское общество аналитической психологии

демический проект, 2005.

⁶ Якоби М. Встреча с аналитиком: Феномен переноса и человеческие отношения. М.: Институт общегуманитарных исследований, 1996.

Предисловие редактора английского издания

*В общении врача с пациентом действуют
неуловимые факторы, вызывающие взаимную
трансформацию.*

К. Г. Юнг. «Практика психотерапии»

Джен Винер написала книгу, блестящую эрудицией и творческим мастерством, книгу исследований и обобщений, отдающую дань неуловимому, но сосредоточенную на вполне ощутимых и постижимых факторах терапевтических отношений. Она исследует значение переноса и контрпереноса в терапии, внимательно изучает различные аспекты этих психологических феноменов и размышляет о том, каким образом они способствуют обретению смысла в целительных терапевтических и аналитических отношениях. Автор достигает редкой глубины проникновения в тему переноса и контрпереноса (рассматривая архетипические символы сновидений и мифов), а также широты ее охвата (постигая цель и смысл определенных моментов отношений). Будучи членом лондонского Общества аналитической психологии (SAP), Джен Винер компетентно рассматривает вопрос о переносе и контрпереносе в исторической перспективе и с точки зрения теорий развития. Она исследует и те проблемы пе-

реноса-контрпереноса, по поводу которых между аналитической психологией и психоанализом достигнуто согласие, и те, относительно которых они расходятся. К счастью, музыка влечет ее как к старым, так и к новым рубежам: от алхимических экскурсов Юнга до открытий нейробиологии, благодаря чему книга оказывается полезной для представителей самых разных направлений анализа и психотерапии. Иными словами, в ней найдет много ценного и поучительного и член Общества аналитической психологии, и представитель фрейдистского психоаналитического общества, и участник любой другой психотерапевтической группы.

Джен Винер не только аналитик, но еще и певица, и примеры из ее практики показывают, что она так же умело, как певица, настраиваясь на пение, настраивается на своих пациентов⁷. Она и в анализе держит курс на реальное и осязаемое: сначала изучает ноты и продумывает технику, а лишь затем импровизирует, иногда – весьма смело. Так, Джен Винер выдвигает концепцию «матрицы переноса», которая призвана послужить плодородной почвой для рождения смысла в творческих терапевтических отношениях.

Материал изложен с восхитительной честностью и прямо-той, с данью глубокого уважения поэтическому воображе-

⁷ См. работу Клэр Дуглас в книжной серии Кэролин и Эрнеста Фей по аналитической психологии: *Claire Douglas, The Old Woman's Daughter: Transformative Wisdom for Men and Women* (College Station: Texas A&M University Press, 2007), chapter 3, "Cherishment: A Different Way of Doing Therapy and Being in the World," 88–117.

нию. Спокойствие и выдержка позволяет Джен Винер соблюдать в отношениях с пациентами баланс переноса и контрпереноса, и этот гармоничный танец объективного и субъективного способствует их исцелению как на сознательном, так и на бессознательном уровнях психики. Более того, смысл обретается из неуловимых факторов, которые, в конце концов, суть таинство и приводят к взаимной трансформации. Она даже контрперенос, и в особенности его интерсубъективность, рассматривает на уровне коллективного бессознательного, как форму творческого активного воображения. Перед нами поистине современный труд, в котором данные из смежных областей знаний (естественных наук, философии, искусства) используются для понимания терапевтических отношений, во имя обретения смысла.

Размышляя о переносе, Джен Винер рассказывает, как она работает и «в нем», и «с ним». И последняя глава книги, «Перенос длиною в жизнь: с мыслью о пациенте», отражает ценную для всех участников психотерапии максиму. Я могу только прибавить: анализ – это работа души, и наша ранимость играет решающую роль в том, что мы становимся аналитиками и «ранеными целителями». Огромное значение имеют здесь этический аспект – осознание собственных ран – и его проявление в контрпереносе. Будучи ранеными исследователями-аналитиками (а в этом, собственно говоря, и кроется суть всякого анализа и всякой терапии), мы помогаем нашим пациентам залечивать их раны путем анализа, в

котором принимает участие наша душа⁸.

Дэвид Розен

⁸ *Romanyshyn Robert D.* The Wounded Researcher: Research with Soul in Mind. New Orleans: Spring Journal Books, 2007.

Благодарности

Содержание книги и форма изложения складываются медленно – во многом это напоминает поиски смысла в анализе. Поэтому прежде всего я хочу поблагодарить Дэвида Розена, который был уверен, что я смогу что-то написать, еще до того, как я выбрала тему. Его мягкой убедительности в спорах невозможно было противостоять, он оставался моим чутким и вдумчивым собеседником на всех этапах создания книги. Я глубоко благодарна также Кэролин Грант Фэй, без чьего интеллекта и щедрости серия лекций Фэй вообще не существовала бы. Эти лекции дают авторам бесценную возможность глубоко изучить материал, который их волнует, и изложить свои суждения в книгах; они позволяют психотерапевтам, студентам и всем, интересующимся наследием Юнга, лучше понять его идеи и их проявление в самых разных контекстах современной культуры.

Я безмерно обязана тем многим друзьям и коллегам, которые поддерживали и поощряли меня в трудные моменты, усердно изучали черновые варианты глав этой книги и давали своевременные и конструктивные советы. В первую очередь я должна поблагодарить Ричарда Карвальо, Уоррена Коулмена, Кэтрин Краузер, Ричарда Майзена и Кристофера Перри. Прамила Беннет, исполнительный редактор *«Журнала аналитической психологии»*, предоставила в мое распо-

ряжение свои навыки редактирования и просветила относительно таинств компьютерной технологии, так что благодаря ей все точки и запятые в тексте оказались на своих местах. Наконец, хочу сказать спасибо моим пациентам, которые разрешили мне описать некоторые детали их анализа.

Введение

Когда в апреле 2006 года ко мне обратились с предложением прочитать курс Фей-лекций⁹, в первый момент я ощутила возбуждение и беспокойство. Затем почувствовала такой эмоциональный подъем, что перо потянулось к бумаге, но тут начались сомнения по поводу выбора темы. Спустя некоторое время тревога улеглась, и яснее выявился замысел. Мне захотелось подробно рассмотреть явление, которое снова и снова то вдохновляет, то озадачивает меня в повседневной работе с пациентами: это явление переноса в аналитических отношениях, – его смысл как аналитического понятия, его ценность и значимость для современных юнгианских аналитиков, а также верное и неверное использование переноса в работе с пациентами. Разумеется, весьма актуальным остается также вопрос о том, в какой степени работа внутри переноса действительно помогает нашим пациентам справляться с болезненными переживаниями, учиться лучше понимать себя и, в конечном счете, творчески продвигаться по пути индивидуации.

Для начала вспомним короткую басню Эзопа (McNamee, 2004). Каждый из нас тащит два мешка – один на груди, дру-

⁹ Фей-лекции – это ежегодные серии лекций по аналитической психологии, которые с 1988 года публикуются издательством Техасского университета на пожертвования вдовы бизнесмена Эрнста Фея. – *Прим. пер.*

гой на спине. Тот, что спереди, наполнен грехами других людей, а тот, что сзади – нашими собственными. Из-за того, что нам не видны собственные недостатки, мы воображаем себя совершенными – однако немедленно замечаем изъяны в других людях.

Я думаю, что это удивительно точный и выразительный образ переноса. Мы проецируем то, что не любим в самих себе, то есть возлагаем свой заплечный мешок на плечи других, чтобы они тащили нечто, принадлежащее нам, пока мы не будем готовы взять свою ношу на себя.

Выбрав тему переноса и контрпереноса, я понимала, как опасно наливать новое вино в старые мехи: ведь по этому поводу, вероятно, уже сказано – притом с самых разнообразных позиций – больше, чем по любому другому в области глубинной психологии. Как ни странно, сегодня эта тема вызывает столь же горячие споры, как почти столетие назад, во времена дебатов Фрейда и Юнга. Силы, толкающие нас на то, чтобы навсегда остаться солдатами в битвах родителей, весьма мощны (Wiener, 2004, с. 149).

Своей книгой я хотела бы пробудить у читателя интерес к сложным понятиям переноса и контрпереноса и к тому, как эти процессы проявляются в практике. Нередко ссылаются на то, что Юнг не интересовался переносом. Действительно, в отличие от Фрейда, он оставил нам не так уж много подробных описаний своей работы с материалом переноса. Тем не менее, в его статьях и клинических зарисовках ясно про-

смаатривается глубокий интеллектуальный и эмоциональный интерес к данному феномену, выражен взгляд на него как с личной, так и с архетипической точек зрения. Интерес Юнга к переносу имеет истоки в его собственной практике, и зачастую этот опыт давался дорогой ценой.

Юнг интересовался темой переноса и как человек, и как ученый – создатель теории архетипов, осознающий ее перспективы и практические возможности.

Я, в свою очередь, надеюсь предложить читателю более современный юнгианский подход к работе с переносом и контрпереносом, который принимает во внимание взгляды Юнга, не отрицая при этом, что его представления в данной области имеют серьезные погрешности. Вероятно, Юнг был непоследователен в своих взглядах на перенос из-за собственной подверженности переносным проекциям от пациентов, – в частности, склонности к эротическому переносу. Тот факт, что именно Юнгу принадлежит открытие о главенстве роли аналитика и о важности контрпереноса в аналитических отношениях, свидетельствует о его блестящей интуиции и мышлении первопроходца, однако ему не доставало последовательного метода и клинических техник для работы с переносом. Более того, амбивалентное отношение Юнга и его недостаточное внимание к вопросам методики оставляют тех, кто стремится совершенствовать свое искусство в этой области, в состоянии замешательства и неуверенности.

Безусловно, моя собственная биография играет значи-

тельную роль в формировании моего подхода к переносу и контрпереносу. Я училась в Обществе аналитической психологии (SAP), основанном в 1946 году Майклом Фордхэмом. Наряду с Институтом Юнга в Сан-Франциско, SAP был первой (если не считать клубов аналитической психологии) профессиональной организацией, созданной специально для подготовки аналитических психологов. Тесно сотрудничая с лондонскими психоаналитиками, Фордхэм стремился интегрировать наиболее ценные идеи психоанализа, в том числе касающиеся переносных процессов, в юнгианскую психологию. Так что культурный климат среды, в которой я училась, естественным образом склонил меня к мнению об определяющей роли переноса в клинической практике. На страницах этой книги читатель обнаружит ссылки на замечательные работы, созданные как психоаналитиками, так и аналитическими психологами. Однако стремление объединить психоанализ с идеями Юнга может таить в себе и некоторую опасность, поскольку у Юнга и Фрейда были принципиально разные взгляды на природу бессознательного, – подробнее остановимся на этом в первой главе.

Безусловно, в моих рассуждениях могут проявиться и личные склонности и пристрастия. Не случайно в ходе работы над этой книгой мне вспомнилось высказывание Юнга о его собственных трудах: «Не все, что мною сказано, идет из головы, но кое-что идет и от сердца, и я надеюсь, что благосклонный читатель не упустит этого из виду, если, следуя за

интеллектуальной линией рассудка, отметит некоторые лакуны, порой недостаточно заполненные» (Jung, 1917, с. 200).

Определения переноса и контрпереноса и сам предмет рассмотрения меняются с течением времени. Сегодня у нас уже имеется богатый запас теорий и знаний, касающихся развития человека от младенчества и далее, а также богатый клинический опыт и сведения, почерпнутые из других областей, – например, из нейронаук или теории привязанности. Поэтому было бы резонно предположить, что влияние переносных проекций пациента на аналитика и методы работы с этими процессами к сегодняшнему дню уже хорошо известны и понятны всем. Возможно, тенденция рассматривать какое-либо явление как нормальную составляющую любого осознаваемого и неосознаваемого взаимодействия, а не как патологический процесс, препятствующий анализу, нигде не проявляется с большей очевидностью, чем в дискуссиях о переносе и контрпереносе. Насколько я понимаю, сегодня в мире вряд ли найдется такой юнгианский аналитик, который подвергал бы сомнению неизбежность появления переносных проекций в аналитических отношениях, а также их важную роль на пути индивидуации. Тем не менее, когда сегодняшние авторы начинают писать об этих сложных понятиях, возникает принципиально важный вопрос: действительно ли мы думаем, говорим и пишем об одном и том же?

Чтобы плодотворно исследовать наши взгляды и разногласия по этому вопросу, необходимо четко договориться о

том, что именно мы подразумеваем под переносом-контрпереносом. Кроме того, иногда мы с легкостью оперируем теоретическими понятиями, но испытываем трудности при описании того, что делаем в своем кабинете, в собственной практике. Трудности в определениях, а также различия в расстановке акцентов, особенности контекста и культуры воздействуют на развитие интереса к этой теме и, стало быть, на аналитический дискурс, приводя (порой довольно неудачно) к смешению языков вместо создания открытого пространства, где можно было бы честно признать различия и обсудить их.

Представления о переносе и контрпереносе обусловлены нашими взглядами на природу психики и развитие ее функций столь же, сколь и нашим определением роли аналитических отношений и задач анализа в целом. В связи с этим возникает вопрос об относительном значении процессов переноса в хитросплетении концепций, влияющих на практику аналитика; впрочем, следует отдавать себе отчет в том, что процессы эти не всегда осознаются и, вероятно, потому их достаточно трудно выразить словами.

У меня сложилось впечатление, что аналитики расходятся во взглядах на свои цели и на то, что именно следует считать терапевтическим воздействием. С одной стороны, это может быть связано с их приверженностью к определенным аналитическим школам и ключевым авторитетам в них, с другой — с влиянием социальных факторов, их клинического опыта

и их личных особенностей.

Нас как аналитических психологов объединяют две основополагающие идеи: одна – о силе бессознательного как чего-то, превышающего способность Эго постичь и осмыслить его; другая – о Самости как организующем и объединяющем центре психики, архетипическом импульсе, способном уравновешивать противоположности, сглаживать существующее между ними напряжение. Анализ стремится найти доступ к бессознательному и к Самости во всех ее проявлениях. Однако, по всей видимости, разные аналитики считают предпочтительными разные «участки терапевтического воздействия» (Colman, 2003, с. 149), что и приводит к возникновению различных способов порождения смысла во взаимодействии аналитика с пациентом.

Некоторые аналитические психологи утверждают, что работа в переносе, этот особый способ быть с человеком и понимать его, обеспечивает наилучший доступ к неизвестным составляющим Самости и таким образом ведет к развитию идентичности. Эти аналитики отдают пальму первенства *процессу* аналитических отношений (а не его содержанию) и для облегчения этого процесса предпочитают использовать кушетку. Сэмюэлс называет данный метод «диалектическим взаимодействием» (Samuels, 1985, с. 194). При этом в анализе отдается предпочтение скорее «отношению», чем «созиданию», хотя и то и другое – неотъемлемые свойства психики.

Другие юнгианцы предпочитают «объективную психику», и для того чтобы обнаружить бессознательные содержания, более широко опираются на активное воображение, сновидения, ассоциации, амплификацию. Поступая таким образом, они сотрудничают с пациентом на более сознательном уровне, давая возможность различным аспектам психики вступить в более гармоничное взаимодействие. Сэмюэлс называет такой метод *классически-символически-синтетическим*. При этом *содержание* и творческий потенциал психики по мере своего проявления в аналитических отношениях начинают преобладать над процессом. Перенос и контрперенос здесь менее значимы.

Эти различия высвечивают то, что можно назвать проблематичным во взглядах Юнга на перенос и контрперенос и их пользу в клинической практике.

Распространяясь за пределы лечебного кабинета, наши убеждения влияют на то, как мы мыслим, пишем и обучаем. В учебных заведениях этим определяются задачи каждого учебного плана, содержание программ для учащихся и то, будет ли курс, скорее, академическим или же акцент будет сделан на практической составляющей (Wiener, Perry, 2006, с. 235). Юнг заявлял, что не хочет иметь никаких учеников, однако появление различных группировок вокруг мнений, привязанных к ключевым фигурам, продолжает создавать напряжение между различными профессиональными сообществами – то, что описано Эйсолдом как «континуум от

ортодоксального юнгианства до сотрудничества юнгианцев с психоаналитиками» (Eisold, 2001, с. 343).

В первой главе своей книги я даю обзор развития представлений о переносе в аналитической психологии с теоретических и клинических позиций, от Юнга до наших дней. Этот обзор позволяет проследить, каким образом сложные отношения Юнга и Фрейда, завершившиеся, в конце концов, разрывом, привели Юнга к весьма противоречивым взглядам на значимость переноса как «участка терапевтического воздействия». В качестве клинических примеров будут приведены выдержки из изумительной переписки Фрейда и Юнга. Эта противоречивость взглядов Юнга сильно заметна в юнгианских кругах и по сей день, что, на мой взгляд, ставит практикующих аналитиков перед подлинными дилеммами в ходе решения вопросов о понимании переноса и работе с ним.

Во второй главе я исследую основные клинические разногласия, касающиеся переноса, и прослеживаю, каким образом они привели к появлению различных взглядов на методы работы с пациентами. На примерах конкретных клинических случаев я, в частности, покажу важную роль личности аналитика, о которой говорил Юнг, и продемонстрирую, как это выглядит в практике. Я также проведу разграничение между тем, что называю работой «в» переносе и «с» переносом.

В третьей главе «Контрперенос и воображение» будет

прослежена связь между процессом воображения и используемыми в анализе контрпереносными чувствами терапевта, возникающими в присутствии пациента. Я выскажу предположение, что контрперенос является особой формой активного воображения.

Метафора, с помощью которой Юнг описывал возникновение переноса, *Rosarium Philosophorum* (Розарий философов), появилась благодаря его глубокому интересу к алхимии. «Розарий философов» – это изданный в 1550 году трактат, иллюстрированный гравюрами. В четвертой главе раскрывается эта мощная метафора и обсуждается ценность Розария для сегодняшних клинических аналитиков. Я выдвигаю и собственную концепцию *матрицы переноса* как современную модель, которая опирается на представления Юнга о важности символообразующей способности психики, но также уделяет должное внимание и последним открытиям в области раннего развития, нейронаук, а также теории явления¹⁰.

Последняя глава моей книги носит провокационное название «Перенос длиною в жизнь: с мыслью о пациенте». Работа с переносом бывает очень плодотворной для некоторых наших пациентов, но при слишком догматичном или механистическом подходе она может растянуться и уподобиться

¹⁰ Мы переводим термин «emergence» как «явление». В английском языке это слово может означать как «возникновение, появление (чего-то нового)», так и «выявление, выход на поверхность (чего-то потенциально существующего)». – *Прим. науч. ред.*

пожизненному приговору. Естественно, желателен первый вариант, и, по моему опыту, для этого пациенту необходим такой аналитик, который обладает достаточной гибкостью, особенно в работе с переносом (конечно, если он действительно хочет, чтобы такая работа повысила качество жизни пациента). Как я уже говорила, методы работы Юнга с переносным материалом оставляли желать лучшего. Поэтому в заключительной главе я свожу воедино основные темы, рассмотренные в книге, чтобы выработать то, что, надеюсь, станет для читателя осмысленным методом, сочетающим в себе ценные идеи Юнга и современные практические модели.

Ограниченный объем книги неизбежно приводит к некоторым потерям. Эротический, психотический и негативный перенос заслуживают отдельных глав, но специальное рассмотрение этих явлений не входит в задачи данной работы.

Поэты обращаются с чувствами куда более изящно, чем аналитики. Поэтому, заканчивая свое вступление, я приглашаю читателя погрузиться в воспоминания и бессознательные аспекты, отраженные в этих двух стихотворениях. Первое, принадлежащее перу Эмили Дикинсон, прекрасно и ярко иллюстрирует то, что можно рассматривать как гармоничные аналитические отношения (Dickinson, 1961, с. 234). Второе, раннее стихотворение Роберта Грейвза (Graves, 1986, с. 89), демонстрирует, как проблемы в общении могут легко привести к непониманию и путанице.

Я слышала, как будто слух был не моим,
Но вот Живое Слово
Пробилось, наконец, ко мне из Жизни —
И лишь тогда узнала я, что слышу.
Я видела, как если бы глаза принадлежали
Кому-то, а не мне, покуда нечто,
Теперь я знаю: то бы Свет, поскольку
Глазам он близок стал – в них он проник.
Жила я, словно в доме не было меня, —
Я пребывала всюду, кроме тела,
Пока Могучей Силой не был помещен
На место стержень: сердцевина, сердце.
И Дух всевластный обратился к праху:
«Мой друг, Меня теперь ты знаешь».
И час настал, чтоб эту весть провозгласить
И влиться в Вечность.

В осколках отражений

Он стремительно мыслит, строя свои ясные схемы;
Я же медлю, в осколки разбитого зеркала глядя.

Он доверяет бездумно своим ярким зеркальным картинкам;

Я все пристальней вглядываюсь, осколкам изображений не веря.

Доверяясь картинкам своим, он отражения их принимает на веру;

Сомневаясь в своих отражениях, я не перестаю вопрошать их.

Отражения принимая за факты, он принимает и факты;
Подвергая сомнению отражения, я сомневаюсь и в фактах.

Когда факты подводят – он сомневается в собственных чувствах;

Обманутый фактами, я убеждаюсь в правоте своих чувств.

Он остается, упрямый, поспешный, при своих ясных картинках;

Я же в который раз взглядом впиваюсь в осколки.

И опять он запутался и смешался, в своем понимании прежнем;

И опять прояснилось в моей голове, ушли мешанина и муть.

Глава 1

Противоречивое отношение Юнга к переносу: наследие аналитических психологов

*Чем пронзительнее переживание, тем менее ясно
его выражают.
Гарольд Пинтер*

В этой главе я исследую эволюцию концепции переноса в аналитической психологии от Юнга до наших дней. Я постараюсь показать, как сложные взаимоотношения Юнга с Фрейдом в конце концов привели их к разрыву, и в результате у Юнга сложилось весьма противоречивое мнение о значении переноса как поля терапевтического воздействия. Эта амбивалентность все еще глубоко ощутима в юнгианском сообществе сегодня, и мы, аналитики-практики, постоянно сталкиваемся с вопросом: как работать с переносом в аналитических взаимоотношениях и как его понимать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.